

ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

А.А. Кокошин, Ю.Н. Балувевский, В.Я. Потапов*

ВЛИЯНИЕ ЯДЕРНОГО ФАКТОРА НА РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Данная статья открывает цикл публикаций в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом многолетнего проекта, призванного исследовать влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности. Одним из самых ярких примеров такого влияния, безусловно, стало появление в середине XX в. принципиально нового вида оружия — ядерного. В первой части статьи на основе широкого спектра трудов советских военных теоретиков проанализированы традиционные подходы к определению трех основных компонентов военного дела — стратегии, оперативного искусства и тактики, а также связи между политикой и военной стратегией. Во второй части изучены новые подходы и концепции, утвердившиеся в советской военной теории в результате глубокого осмысления проблем и перспектив применения ядерного оружия. Авторы заключают, что появление ядерного оружия придало качественно новое звучание традиционной проблеме связи политики и военной стратегии и понимания войны как продолжения политики другими средствами.

---

* *Кокошин Андрей Афанасьевич* — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aakokoshin@gmail.com); *Балуевский Юрий Николаевич* — генерал армии в отставке, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в 2004–2008 гг., советник Главнокомандующего внутренними войсками МВД России (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru); *Потапов Владимир Яковлевич* — генерал-полковник в отставке, заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации в 1998–2004 гг., доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: safety@vosafety.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

Ключевые слова: военное искусство, военная мысль, стратегия, операционное искусство, тактика, ядерное оружие, технологии, обычные вооружения, стратегическая стабильность.

Активное воздействие на все компоненты военного искусства (стратегию, оперативное искусство и тактику) развития науки и техники как общего, так и специального назначения уже давно воспринимается теоретиками и практиками как непреложный факт, не требующий дополнительных подтверждений. Вместе с тем зачастую от внимания исследователей ускользает необходимость рассмотрения подобной зависимости в определенной динамике — с учетом эволюции не только самих материальных средств ведения войны, но и военной (и политико-военной) мысли. Это важно еще и потому, что развитие военного дела и теории войны всегда оказывает и значительное обратное влияние на политику, которая также вносит свои коррективы в соотношение различных компонентов военного искусства.

Данная статья открывает цикл публикаций в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом многолетнего научного проекта, в которых будут раскрываться различные аспекты влияния технологических факторов на военное дело и изменение теоретических представлений о военной стратегии. Авторами настоящей публикации на основе анализа широкого пласта трудов ведущих отечественных специалистов в области теории ведения войны, начиная с А.А. Свечина, будет рассмотрено воздействие важнейшей технологической революции в военном деле XX в. — изобретения ядерного оружия — на изменение классических представлений о соотношении различных компонентов военного искусства.

* * *

В отечественной военно-научной традиции выделяются три главных компонента военного искусства — стратегия, оперативное искусство и тактика. Они тесно переплетены между собой, находятся в определенной системе иерархических связей, теоретических знаний и прикладных навыков [Стратегические решения и вооруженные силы, 2000: 73].

Военная стратегия является высшей областью военного искусства. Теория стратегии призвана исследовать стратегический характер войны, законы, принципы и способы вооруженной борьбы в стратегическом масштабе. Стратегия в числе прочего определяет соотношение оборонительных и наступательных действий на разных этапах войны; она должна задавать основные требования для оперативного искусства (оператики) и тактики [Гареев, 1994: 133].

Стратегия обеспечивает теоретические основы планирования, подготовки и ведения войны и стратегических действий, разработку рекомендаций по управлению вооруженными силами, учету и использованию морально-политических и экономических возможностей государства в интересах успешного ведения военных действий, организации стратегического тыла, гражданской обороны и других видов обеспечения. Стратегия едина для всех видов вооруженных сил [Марксистско-ленинское учение о войне и армии, 1984: 281–285].

Отталкиваясь от известной формулы К. Клаузевица, выдающийся отечественный военный теоретик А.А. Свечин (1879–1938) в 1927 г. вывел чеканную формулу: «Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет всемирно-исторический характер» [Свечин, 1927: 30]. При этом он обоснованно не прошел мимо воздействия «плохой политики» на военную стратегию, говоря о том, что последняя будет пытаться освободиться от влияния первой: «Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики» [Свечин, 1927: 30].

Подчеркивая *примат политики над военной стратегией*, право высшего государственного руководства вмешиваться в решение оперативно-стратегических вопросов, А.А. Свечин неоднократно повторял, что и *политические решения должны соотноситься со стратегией*, с реальными военными возможностями.

По мнению ученого, военный стратег должен постоянно думать о том, что то или иное стратегическое действие может значить для политики. В современных условиях, как будет подробно рассмотрено в последующих публикациях в рамках данной серии, все более важным становится понимание и потенциального влияния на политику действий не только на стратегическом, но и на оперативном и даже на тактическом уровнях (если исходить из классического представления о трех компонентах военного искусства). Это предполагает наличие у высшего командного состава достаточно серьезных и глубоких знаний в области политики, экономики, социологии, которые далеко не всегда могут быть получены в специальных высших военных учебных заведениях.

Принципиально важным является то, что план применения военной силы должен быть гибким и соответствовать различным политическим условиям, обстоятельствам. Если смотреть с практической точки зрения, то нельзя не отметить, что подготовка такого гибкого многовариантного плана (включая боевое и небоевое применение военной силы разных масштабов и на всех уровнях военно-

го искусства) в зависимости от тех или иных политических установок и ситуаций — это гораздо более трудоемкая и интеллектуально намного более сложная задача, чем разработка лишь одного базового варианта использования военной силы.

А.А. Свечин обоснованно исходил из того, что стратегия решает вопросы, связанные с подключением как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны к достижению конечной военной цели. Он отмечал, что если оперативное искусство должно учитывать возможности, предоставляемые фронтовым тылом, то стратег обязан рассматривать весь тыл — свой и противника. Фактически свечинская интерпретация стратегии близка к тому, что английские военные и гражданские теоретики подразумевали под «большой стратегией» [Ржешевский, 1980: 5].

В современных условиях можно использовать понятие «*высшая стратегия*». Первые зачатки этой идеи обнаруживаются в византийском «Стратегиконе Маврикия» — трактате VI в. н.э. В нем автор ведет речь не о «чистых» военных стратагемах, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия, в частности, становится одним из орудий достижения успеха наряду с тщательно взвешенным применением военной силы [Кучма, 1984: 399]. Под высшей стратегией можно подразумевать целенаправленную деятельность государства во время войны по наиболее эффективному использованию всех компонентов его мощи для достижения победы. Высшая стратегия включает не только собственно применение вооруженных сил, но и дипломатию, экономическое принуждение (в том числе разные формы экономической блокады), специальные операции, борьбу в киберпространстве, пропагандистско-психологическое воздействие (на противника, союзников, собственный народ и армию), мобилизацию в необходимых масштабах и формах национальной промышленности и трудовых ресурсов и т.п.

А.А. Свечин, рассматривая стратегию как сферу, где теснейшим образом переплетаются политические, социальные, экономические и военные факторы и расчеты, выдвинул концепцию «интегрального полководца». Ученый считал, что «войну ведет верховная власть государства», так как «слишком важны и ответственны решения, которые должно принимать руководство войной, чтобы можно было доверить его какому-либо агенту исполнительной власти» [Свечин, 1927: 45]. Эту идею «интегрального полководца» — своего рода военного кабинета министров с главой государства как верховным главнокомандующим — поддержал в своем труде «Мозг армии» Б.М. Шапошников, будущий начальник Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии, а позднее начальник Генштаба РККА [Шапошников, 1927: 113].

В подобном же направлении в 1920-е годы пытался развивать военную мысль и М.Н. Тухачевский (1893—1937), который проявил себя во многом как антагонист А.А. Свечина, предложив формулу «полюмостратегии».

«Полюмостратегия» рассматривалась М.Н. Тухачевским и некоторыми его последователями как основа для разработки нового учения о войне — ее сущности, методах и способах подготовки, путях наиболее целесообразного использования сил и средств страны для победы [Гареев, 1985: 394]. Маршал исходил из того, что верховное командование, руководящее войной в целом, не может опираться только на военную стратегию, «чистую стратегию» старого типа, поэтому возникает потребность в какой-то новой, высшей стратегии. Эта формула, однако, не получила в СССР поддержки и не использовалась в дальнейшем ни военными теоретиками, ни практиками военного дела и государственного управления в политико-военной сфере. Некоторые критики в попытке М.Н. Тухачевского конструировать «полюмостратегию» усматривали стремление не столько подчинить стратегию политике, сколько «подтянуть» политику к стратегии.

Понятие *«оперативное искусство»* также одним из первых ввел именно А.А. Свечин¹. Свой вклад внесли М.Н. Тухачевский [Тухачевский, 1921], Г.С. Иссерсон [Иссерсон, 1940], А.И. Егоров [Егоров, 1931], С.С. Каменев [Каменев, 1963], Б.М. Шапошников [Шапошников, 1927]. Особенно стоило бы отметить теоретическую и практическую деятельность в этой сфере И.П. Уборевича [Уборевич, 1929] и В.К. Триандафиллова [Триандафиллов, 1936].

В своих лекциях по военной стратегии в 1923—1924 гг. А.А. Свечин описывал оперативное искусство как мост между стратегией и тактикой, средство, благодаря которому командующий превращал серию тактических успехов в оперативные «прыжки». Последние, по определению ученого, должны быть объединены замыслом командующего и обеспечивать общий стратегический успех на определенном театре военных действий [Кирп, 2005: 214].

Расцвет оперативного искусства пришелся на Вторую мировую войну, что особенно ярко проявилось в действиях германского вермахта и Красной армии. В ходе Великой Отечественной войны также возникло понятие *стратегической операции* — действий огромного размаха с участием сразу нескольких фронтов (эквивалентных группам армий в западном военном деле).

---

¹ Советский военный теоретик Н.Е. Варфоломеев приписывает авторство этого термина именно Свечину. См.: [Варфоломеев, 1928: 84].

Оперативное искусство в советской военной мысли и в практике подготовки к войне охватывало вопросы совместных и самостоятельных операций (боевых действий) объединениями видов вооруженных сил (т.е. армиями и фронтами (группами армий)). Считалось, что операции при этом могут быть различного вида и различных масштабов. К числу основных задач, решаемых оперативным искусством, относились: разработка плана той или иной операции, определение способов действий в каждой из них; определение механизма взаимодействия крупных соединений, оперативных объединений, родов войск и видов вооруженных сил, участвующих в операции; отработка управления войсками в операции; подготовительные мероприятия при ее организации, способы ведения операций в различных условиях оперативной обстановки, местности и времени года; устройство оперативного тыла, порядок материального, технического и политического обеспечения войск в операции и др. [Семенов, 1960: 287].

По сравнению со стратегией и тактикой оперативное искусство — сравнительно новое явление в военном деле. В начале XX в. складывалось понятие операции как совокупности боевых действий войсковых объединений и соединений, проходящих на значительном пространстве, по определенному общему замыслу, с определенной военной целью [Стратегические решения и вооруженные силы, 2000: 73]. Эта дефиниция в советской военной мысли продолжала действовать вплоть до начала 1990-х годов.

Оперативное искусство, таким образом, занимает подчиненное положение по отношению к военной стратегии; в свою очередь такое же положение относительно оперативного искусства занимает тактика. При этом нельзя упускать из виду и очень важные обратные связи между тактикой, оперативным искусством, стратегией.

Третий компонент военного дела — *тактика* — в соответствии с представлениями послевоенных десятилетий в советской военной мысли и практике охватывала изучение, разработку, подготовку и ведение наступательных и оборонительных действий, встречного боя, а также осуществление тактических перегруппировок. Традиционно тактика включала боевые действия соединений (кораблей, дивизий, бригад), частей (полков) и подразделений (батальонов, рот, взводов) различных видов вооруженных сил и родов войск. При этом общая тактика исследовала закономерности общевойскового боя [Павловский и др., 1979: 628], тактика также охватывала вопросы боевого, специального, технического и тылового обеспечения боя [Марксистско-ленинское учение о войне и армии, 1984: 281–285].

В вопросах стратегии, оперативного искусства слишком долго преувеличивалось значение опыта Великой Отечественной войны. На деле его в большинстве случаев изучали весьма однобоко, особенно применительно к начальному периоду (да и к лету 1942 г.), когда Советский Союз оказался на грани катастрофы. Адекватное исследование реального опыта этой войны затянулось на десятилетия; оно не закончилось и по сей день. Это касается, в частности, изучения военного искусства вермахта, которое стояло на большой высоте, что не раз отмечали видные советские военачальники, в том числе Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский. Неверно поняты уроки начального периода Великой Отечественной войны были даже экстраполированы на стратегическую ядерную сферу, хотя появление ядерного оружия, как и изменение соотношения сил на международной арене, несомненно, требовало кардинального пересмотра сложившихся представлений.

* * *

На протяжении десятилетий после Второй мировой войны характер потенциально наиболее масштабного применения военной силы, особенности военного искусства прежде всего детерминировались взаимоотношениями двух сверхдержав — СССР и США. В целом особенностью этих отношений был высокий уровень противостояния — не только политического, но и идеологического, что не могло не сказаться и на характере политико-военного противоборства, военно-стратегических установках сторон, положениях их теории военного дела и практике военного строительства. Москва и Вашингтон проявили себя как откровенные антагонисты в идеологической сфере, что было в том числе прямым следствием радикальных различий в их политических и экономических системах. Идеологические мотивы играли весьма значительную роль во внешней, а в ряде случаев и в военной политике Советского Союза. Соединенные Штаты со своей стороны претендовали на роль неоспоримого «лидера свободного мира» и активно продвигали собственные идеологемы, что также имело прямые последствия для американской внешней и военной политики. Значительную часть усилий СССР и США, а также возглавлявшихся ими Организации Варшавского договора (ОВД) и Североатлантического альянса (НАТО) занимали шаги, направленные на обеспечение высокой степени готовности к ведению практически глобальной войны с самыми решительными, самыми радикальными политическими (высокоидеологизированными) целями.

В труде «Военная стратегия» (издания 1963 г.) коллектива профессиональных военных авторов под руководством Маршала Со-

ветского Союза В.Д. Соколовского отмечено, что «империалистический блок в новой мировой войне будет стремиться нанести максимальное поражение вооруженным силам и глубокому тылу социалистических государств, ликвидировать их общественно-политический строй, установить вместо него капиталистические порядки и поработить народы этих стран» [Военная стратегия, 1963: 233]. Со своей стороны «Советский Союз и страны народной демократии для защиты своих социалистических завоеваний вынуждены будут ставить не менее решительные цели, направленные на полный разгром вооруженных сил врага с одновременной дезорганизацией его тыла, на подавление воли к сопротивлению и оказание помощи народам в освобождении их от гнета империализма» [Военная стратегия, 1963: 233].

Как эти стратегические установки соотносились с фактом вступления человечества в ядерный век? Принципиально новые положения теории стратегии, оперативного искусства и тактики стали разрабатываться в СССР в конце 1950-х — начале 1960-х годов на основе глубокого осмысления проблем применения ядерного оружия, а также достижений в области реактивной, ракетной и радиоэлектронной техники [Семенов, 1960: 295].

В частности, в «Кратком очерке советского оперативного искусства» генерал В.А. Семенов отмечал, что «если раньше новые технические средства оказывали существенное влияние прежде всего на тактику и на оперативное искусство, а через них уже и на стратегию, то сейчас эта закономерность изменилась» [Семенов, 1960: 295]. Военачальник говорил о том, что «современные средства борьбы в виде ядерного оружия и других средств массового поражения оказывают серьезное и непосредственное влияние прежде всего на развитие теории и практики стратегии, а через нее — на оперативное искусство и тактику» [Семенов, 1960: 295]. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А.А. Гречко в 1975 г. писал, что ракетно-ядерное оружие «многократно увеличило роль стратегии в достижении целей войны» [Гречко, 1975: 353].

В упомянутом труде «Военная стратегия» указано, что «ядерное оружие в современной войне может быть применено для решения задач всех масштабов: стратегических, оперативных и тактических». Отмечалось, что «с чисто военной точки зрения использование ядерного оружия может дать несравнимо большие результаты, чем обычные средства поражения». Считалось, что ядерное оружие «позволяет выполнять боевые задачи в значительно более короткие сроки, чем это было в прошлых войнах», в силу чего это оружие «расценивается специалистами как наиболее мощное и эффективное средство поражения противника при ведении всех видов операций и войны в целом» [Военная стратегия, 1963: 239].

В 1960-х годах в СССР ключевая роль в вооруженной борьбе отводилась специально созданным Ракетным войскам стратегического назначения (РВСН). В качестве главных видов стратегических действий стали рассматриваться ракетно-ядерные удары в целях уничтожения стратегических ядерных сил (СЯС) агрессора, объектов военно-экономического потенциала противника, поражения системы государственного и военного управления. Речь шла о защите «тыла социалистических стран и группировок войск от ядерных ударов», а также о «военных действиях на морских театрах в целях разгрома группировок сил флота противника» [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 462].

В теории военной стратегии СССР постулировалось, что «широкое применение средств массового уничтожения придаст войне невиданно разрушительный, истребительный характер». Соответственно необходимо было готовиться к «исключительно ожесточенной войне» [Военная стратегия, 1963: 233]. Очевидно, что это было весьма ресурсоемкое требование к строительству Вооруженных сил СССР, материальному обеспечению такой военной стратегии.

При этом советские военные теоретики и военачальники считали, что массовое внедрение в войска ядерного оружия не отменяет потребности в многомиллионных вооруженных силах, в том числе оснащенных самыми разнообразными обычными вооружениями, которые нуждались в постоянном совершенствовании. В «Военной стратегии» безальтернативно утверждалось: «Совершенно ясно, что обе гигантские военные коалиции выставят в будущей решающей мировой войне массовые вооруженные силы» [Военная стратегия, 1963: 234]. Известно, что В.Д. Соколовский был противником тех сокращений численности Вооруженных сил СССР, на которых настоял Н.С. Хрущев и с которыми согласился министр обороны Г.К. Жуков.

При этом в целом ряде работ советских военачальников и военных теоретиков, в частности генерала В.А. Семенова, говорилось о том, что «советская стратегия не пошла по пути переоценки новейшего оружия» [Семенов, 1960: 296]. Отмечалось, что «массовое применение атомного оружия отнюдь не исключает ведения будущей войны в форме операций сухопутных войск, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, без правильного взаимодействия которых успешно вести войну нельзя» [Семенов, 1960: 296].

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский в 1962 г. указывал на высокую степень вероятности внезапного нападения на государства социалистического лагеря «без традиционного явно угрожаемого периода» [Малиновский, 1962: 24]. Это преподносилось как новое явление в военном искусстве. Но-

визна подобной оценки Р.Я. Малиновского вызывает сомнения. Внезапным (для советского партийно-государственного руководства и высшего военного командования) оказалось нападение гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г., что стало следствием целого ряда политических и военно-стратегических просчетов Москвы, недопонимания военной стратегии и уровня оперативного искусства вермахта (в частности, после войны это признавал Г.К. Жуков), отсутствия четкого видения того, каков совокупный эффект на оперативном и стратегическом уровнях всего комплекса технологий (и организационно-управленческих решений) блицкрига.

Резкой (и обоснованной) критике в СССР в 1960-е годы подвергались зарубежные концепции ограниченной войны с применением ядерного оружия. В «Военной стратегии» отмечалось: «Американские военные теоретики признают, и в этом они, пожалуй, правы, что самой острой проблемой ограниченной войны является использование в ней тактического ядерного оружия» [Военная стратегия, 1963: 94]. Как заявляли советские военные эксперты со ссылкой на западных авторов, роль и влияние тактического ядерного оружия изучены еще недостаточно и основываются главным образом на предположениях, что невозможно предвидеть политические, военные и психологические последствия применения такого рода вооружений [Военная стратегия, 1963: 94]. Подчеркивалось, что противостоящая сторона в ответ на использование тактического ядерного оружия может нанести ответные ядерные удары в таком же или значительно большем количестве, и не исключается возможность просчета, результатом которого станет развязывание всеобщей ядерной войны с ее катастрофическими последствиями [Военная стратегия, 1963: 94–95].

Авторы «Военной стратегии» заключали: «Призрачность ограничений в применении ядерного оружия не нуждается в доказательствах. Идеологи ограниченной войны, ратуя за широкое применение тактического ядерного оружия, не имеют в то же время никакого желания отказаться от стратегических ядерных средств нападения, которые должны находиться, как они указывают, наготове в качестве средства устрашения» [Военная стратегия, 1963: 95].

Справедливо отмечалось и то, что «теоретически и практически весьма трудно разграничить тактические и стратегические объекты» [Военная стратегия, 1963: 95]. Тем самым советская военно-стратегическая мысль того времени исходила из того, что применение ядерного оружия примет, скорее всего, сразу же массированный характер на всех уровнях — стратегическом, оперативном и тактическом.

Низкая живучесть ракетных комплексов РВСН и слабость отечественных морских СЯС конца 1960-х годов, по мнению многих

военачальников и специалистов, исключали возможность нанесения достаточно мощного ответного удара, а отсутствие надежных средств предупреждения о ракетном нападении делало расчет на ответно-встречный удар слишком рискованным. В таких условиях военные склонялись к тому, чтобы действовать на упреждение противника, не допуская повторения 22 июня 1941 г. в ядерном варианте.

Однако, опираясь на результаты исследований, проведенных в ЦНИИмаш Министерства общего машиностроения и ЦНИИ-4 Минобороны СССР, в том числе в области моделирования обменных ударами, Ю.А. Мозжорин сумел убедить руководство страны в том, что живучесть всех трех компонентов ядерной триады США делает неизбежным разрушительный американский ответ на советский упреждающий удар. В результате на высшем государственном уровне были приняты решения о масштабной и дорогостоящей модернизации отечественных СЯС, которая в итоге ориентировалась на переход к концепции ответного удара — оптимальной с точки зрения не только безопасности страны, но и стратегической стабильности в целом.

Это потребовало корректировки широко распространенного в 1960-е годы представления о том, что Советский Союз «располагает всем необходимым» и для «успешного отражения нападения любого агрессора», и «для его полного разгрома» [Военная стратегия, 1963: 95] (Соединенные Штаты в тот период также делали ставку на победу в случае войны с СССР). Под отражением агрессии в первую очередь понимались возможности как противовоздушной (ПВО), так и противоракетной обороны (ПРО) территории страны. В отношении последней в тот период были весьма завышенные ожидания — и в СССР, и в США (основанные на определенных достижениях в радиолокационной технике и в технологиях для наземных ракет-перехватчиков). Позднее оценки возможности создания «плотной» ПРО территории страны (стратегической ПРО) в обеих сверхдержавах значительно изменились. Результатом этого стало заключение в 1972 г. советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны, который позволял иметь каждой из сторон по два комплекса объектовой ПРО. Эти комплексы уже не могли претендовать на «отражение агрессии», на то, чтобы служить сколько-нибудь важным фактором в «обеспечении победы» в войне с массированным применением ядерного оружия. В переоценке возможностей по созданию ПРО территории страны сыграли свою роль как достижения обеих держав в оснащении стратегических ракет разделяющимися головными частями, так и прогнозы ученых относительно возможностей лазерного и пучкового оружия того периода.

Подписание Договора по ПРО, а также Временного соглашения между СССР и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (1972) в какой-то степени означало молчаливое признание обеими сторонами невозможности победы в такой войне. Однако полностью этот вопрос не был закрыт еще на протяжении длительного времени.

В 1985 г. Н.В. Огарков так оценивал характер возможной будущей войны: «Советская военная доктрина предполагает, что современная мировая война, если империалисты все же развяжут ее, приобретет небывалый пространственный размах, охватит все континенты и океанские просторы и неизбежно втянет в свою орбиту большинство стран мира. Она приобретет беспрецедентный разрушительный характер. Военные действия будут вестись одновременно в обширных зонах, отличаться невиданной жесточечностью, носить высокоманевренный, динамичный характер и продолжаться до полной победы над врагом» [Огарков, 1985: 77]. При этом ядерный фактор в суждениях Н.В. Огаркова того периода присутствовал в не столь ярко выраженной форме, как в работах 1960-х годов.

Н.В. Огарков подчеркивал ответный, оборонительный характер действий Вооруженных сил СССР: «Советская военная доктрина всегда исходила и исходит из принципа ответных, то есть оборонительных, действий» [Огарков, 1985: 77]. Что касается ядерного оружия, то этот видный советский военачальник отмечал следующее: «СССР рассматривает ядерное нападение как тягчайшее преступление против человечества». Он заявлял, что «стратегические ядерные силы СССР никогда не назывались “стратегическими наступательными силами”, как они красноречиво именуются в США» [Огарков, 1985: 77]. К тому времени советским партийно-государственным руководством был декларирован принцип неприменения ядерного оружия первыми. На практике это означало отказ от упреждающих ядерных ударов по ядерным силам противника, однако гипотетически не исключало встречных (ответно-встречных) ядерных бомбардировок. Н.В. Огарков как военный профессионал подтверждал: «...в основе советской военной доктрины лежит положение о том, что Советский Союз не применит ядерного оружия первым», и «это обязательство взято им в одностороннем порядке» [Огарков, 1985: 89]. Следует отметить, что к тому времени было уже примерно 20 лет аналогичному заявлению со стороны руководства КНР, обладавшей, как известно, весьма незначительными ядерными силами и средствами.

В 1960-е годы военно-техническими предпосылками для ведения глубоких и сложных операций считалось не только оружие

массового поражения (если не будет достигнуто соглашение о запрещении его применения), но также механизация и моторизация сухопутных войск, развитие воздушно-десантных войск, реактивной авиации, военно-морского флота с новыми средствами борьбы [Военная стратегия, 1963: 95]. При этом все подобные крупные технологические достижения, включая появление в массовом порядке ракетной (и ракетно-ядерной) техники, не меняли в то время базовых представлений о военном деле.

Так, в советском оперативном искусстве 1960-х годов видное место, как и в предыдущий период, занимала стратегическая операция. «Удары и операции всех видов Вооруженных сил предполагались строго согласовывать между собой в форме стратегической операции. Стратегическая операция ядерной войны включала действия видов Вооруженных сил, проводимые по единому замыслу, плану и под единым стратегическим руководством. Главным содержанием операции стали ядерные удары Ракетных войск стратегического назначения» [Военная стратегия, 1963: 95]. Однако считалось, что одни лишь ядерные удары не обеспечат полного разгрома противника: «Для окончательного разгрома уцелевших группировок противника предусматривалось проводить наступательные операции фронтов, воздушно-десантные операции, а на некоторых направлениях — операции флотов и прифронтовых соединений войск ПВО страны. <...> Стратегическая операция может охватить все основные континенты и пространство Мирового океана, она будет скоротечна и кратковременна» [Военная стратегия, 1963: 95].

Если говорить о проблеме соотношения наступления и обороны на стратегическом уровне, то, как отмечают эксперты, «в 1960-х годах коренным образом изменились теоретические взгляды на виды стратегических действий: они перестали делиться на стратегическое наступление и стратегическую оборону. Однако это относилось только к ядерной войне. Стратегическое наступление и стратегическая оборона как виды стратегических действий сохранялись в войне с применением только обычных средств поражения, в которых главная роль должна была по-прежнему принадлежать Сухопутным войскам» [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 462].

Для более быстрого использования результатов ядерных ударов в первом эшелоне предлагалось чаще подключать танковые соединения. Подвижная группа как элемент оперативного построения фронта и армии перестала существовать в связи с полной моторизацией войск. Вторые эшелоны должны были развивать оперативный успех в глубине. Предполагалось, что их большая подвижность позволяет решать эту задачу в высоких темпах. Группировка средств, применяющая ядерные боеприпасы, стала новым элемен-

том оперативного построения. Возник вопрос о рассредоточении войск в исходном положении, увеличении полос наступления, участков прорыва и глубины наступательной операции фронта и армии [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 463].

Под влиянием предполагаемого массового применения ядерного оружия «отпала необходимость в сосредоточении крупных группировок войск на узких участках прорыва, как это было в годы Второй мировой войны» [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 463]. При этом «полосы наступления оперативных объединений значительно увеличились, что определялось их возросшими возможностями, а также требованиями защиты от ядерного оружия противника» [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 463]. Увеличилась глубина операции, возросли темпы наступления при одновременном сокращении продолжительности боевых действий. Наступление планировалось начинать на нескольких направлениях в целях расчленения противостоящей группировки и уничтожения ее по частям [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 463].

О принципе массирования сил и средств на главном направлении говорилось, что он «сохранил свое значение, однако способы его применения изменились». Это было следствием того, что для создания превосходства над противником «решающее значение приобрело массированное применение ядерного оружия». Стало недопустимым сосредоточение крупных группировок войск на узких участках фронта для создания высоких плотностей и превосходства над противником. Главный удар должен был быть направлен на те районы, по которым наносились основные ядерные удары, определялось в первую очередь направление главного удара [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 463].

Считалось важным во избежание воздействия тактических ядерных средств противника перед началом наступления располагать ударные группировки войск на значительном удалении от линии фронта [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 463].

Новой закономерностью современной войны объявлялась полная утрата безопасности тыла: «Грань между фронтом и тылом исчезнет в силу появления дальнобойных средств борьбы, особенно межконтинентальных баллистических ракет» [Военная стратегия, 1963: 95]. Подчеркивалась резко возросшая маневренность в будущей войне, при этом отмечалось, что подвижность сухопутных войск в боевых условиях будет иметь решающее значение для успеха операций [Военная стратегия, 1963: 95].

Коренные изменения были отмечены в 1960-е годы и в тактике. Считалось, что «появление и развитие тактического ядерного оружия, совершенствование обычных средств, а также полная моторизация войск резко повысили боевые возможности общевойско-

вых соединений» [Военная стратегия, 1963: 95]. Ядерное оружие стало рассматриваться как главное средство разгрома противника при решении тактических задач. Ключевым элементом боя считался удар тактическими ядерными средствами, за которым должны были следовать высококомобильные действия общевойсковых соединений (частей); последним предстояло завершать разгром противника [Военная стратегия, 1963: 95]. Возросли требования к построению боевых порядков, которым предписывалось быть устойчивыми в противоядерном отношении, обеспечивать наиболее эффективное использование результатов ядерных ударов при нанесении мощного первоначального удара и наращивании усилий в ходе выполнения боевой задачи. По мнению военных, повысилась и роль танков. В частности, это отмечал в 1963 г. С.М. Штеменко, говоря о значении танковой брони, обеспечивающей максимальное поглощение вредного влияния радиоактивной местности и радиации на экипаж. Автор заключал, что «массовое применение ядерного оружия еще больше подняло роль танков в будущей войне» [Штеменко, 1963: 25]. Четырьмя годами позже аналогичную оценку танковым войскам дал генерал армии И.Г. Павловский [Павловский, 1967: 36–37].

Расширились задачи вторых эшелонов и резервов, которые стали привлекаться также к замене частей первого эшелона, понесших потери от ядерных ударов. Возросла роль передовых отрядов в достижении высоких темпов прорыва и наступления в глубине. Появился новый элемент боевого порядка — тактический воздушный десант, высаживаемый на вертолетах. В число его задач входило уничтожение средств ядерного нападения противника, что способствовало быстрому прорыву на тактическую глубину обороны и высоким темпам преследования вражеских сил [Панов, Киселев, Картавцев и др., 1984: 463].

В советских разработках по тактике 1960-х годов отмечалось, что применение ядерного оружия «создает условия для дальнейшего сокращения продолжительности огневой подготовки наступления», позволяет «в значительно более короткий срок, чем раньше, лишить боеспособности обороняющуюся группировку противника» [Тактика, 1966: 284].

Серьезная роль отводилась маневру ядерными ударами, который заключался в их «быстром перенацеливании <...> с одного запланированного объекта на другой и в сосредоточении ряда ударов по одному важнейшему объекту» [Тактика, 1966: 285]. При этом, по мнению военных теоретиков, как и в случае с оперативным искусством, использование ядерных средств поражения «не означает, что прежние, так называемые обычные средства борьбы — артиллерия, танки и авиация уже не будут играть важной роли в бою» [Тактика, 1966: 285].

«Располагаться на местности, равно как и передвигаться большими компактными массами, независимо от удаления от противника теперь невозможно. С целью предохранить себя и максимально снизить потери при ядерном нападении противника подразделения, части, соединения вынуждены рассредоточиваться по фронту и в глубину», — отмечалось в специальном исследовании по тактике 1966 г. [Тактика, 1966: 286].

* * *

Вопрос о том, может ли быть продолжением политики военная стратегия с применением ядерного оружия, сохраняет свою актуальность и в современных условиях. Войну с нанесением ядерных ударов против страны, обладающей таким же оружием (и с соизмеримыми его арсеналами) и достаточными возможностями совершить ответную атаку, нельзя рассматривать как *рациональное* средство продолжения политики. Такая война может оказаться результатом активного, но слабо продуманного использования ядерного оружия в качестве средства шантажа, нажима, сопровождающегося непониманием характера эскалации политико-военного конфликта (попытками обеспечения эскалационного доминирования) и неспособностью спрогнозировать его потенциальное перерастание в военное противоборство с различной интенсивностью и глубиной применения сил и средств вооруженной борьбы.

Положение о том, что ядерная война не может быть рациональным средством продолжения политики, было справедливо в первую очередь в отношении противостояния СССР и США в период «холодной войны», особенно начиная с того момента, когда Советский Союз обрел потенциал для нанесения «неприемлемого ущерба» Соединенным Штатам в результате ответных действий. Такая расстановка сил сохраняется в российско-американских отношениях и в современных условиях.

Уместно привести высказывание Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова, сделанное им в 1985 г. отнюдь не из конъюнктурных соображений «нового мышления», а в результате глубоких многолетних размышлений: «Появление в 1945 г. и быстрое совершенствование в последующем ядерного оружия, обладающего невероятной силой поражения, по-новому поставили вопрос о целесообразности войны как средства достижения политической цели. <...> Преступно рассматривать термоядерную войну как рациональное и чуть ли не законное средство продолжения политики» [Огарков, 1985: 88]. Иными словами, Н.В. Огарков считал возможным развязывание «термоядерной войны» в качестве продолжения политики только иррационально действующими силами. К сожалению,

иррациональность всегда остается угрозой при принятии решений по вопросам войны и мира, особенно в условиях стресса, вызываемого в определенный момент ростом напряженности отношений между ядерными государствами.

Руководство страны и высшее военное командование каждой ядерной державы должны постоянно держать под контролем соответствующие технические и особенно человеко-машинные системы, проверять надежность, адекватность действующих процедур, персонала, структур управления и техники. К ядерной войне «по ошибке» могут привести и просчеты в военном строительстве, в теории военного искусства, а также в реализации ее положений в оперативной и боевой подготовке войск. Ядерная война может оказаться логическим продолжением ошибочной политики в ряде сравнительно частных вопросов, например в подборе кадров, имеющих отношение к принятию и реализации решений о применении ядерного оружия и к его эксплуатации. Это относится и к технической политике, касающейся соответствующих средств управления и контроля и т.п. Использование военных средств для достижения политических целей вполне может привести к ограниченной ядерной войне ядерного государства против неядерного. Первому в этом случае якобы не угрожает ответный удар возмездия, но всегда нужно помнить о существовании «третьей силы» — ядерной державы, имеющей военные взаимодействия с неядерной.

Сегодня новые технологические вызовы и изменения параметров вооруженной борьбы продолжают соседствовать как с угрозами подрыва стратегической стабильности в ядерной сфере, так и с высокой вероятностью быстрого движения вверх по ступеням эскалации вплоть до пересечения ядерного порога при использовании обычных вооружений. Сущность влияния этих технологических вызовов, равно как и новой международной обстановки, на соотношение компонентов военного искусства в XXI в. заслуживает отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варфоломеев Н.Е. Стратегия в академической постановке // Война и революция. 1928. № 11.
2. Военная стратегия / Под ред. В.Д. Соколовского; 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1963.
3. Гареев М.А. Военная наука // Военная энциклопедия: В 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994.
4. Гареев М.А. М.В. Фрунзе — военный теоретик. М.: Воениздат, 1985.
5. Гречко А.А. Вооруженные Силы Советского государства. М.: Воениздат, 1975.

6. Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919. М., 1931.
7. Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М.: Воениздат, 1940.
8. Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963.
9. Кучма В.В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии. Вторая половина VII—XII в. М., 1989. Гл. 9. С. 276—295.
10. Малиновский Р.Я. Бдительно стоять на страже мира. М.: Воениздат, 1962.
11. Марксистско-ленинское учение о войне и армии / Под ред. Д.А. Волгонова. М.: Воениздат, 1984.
12. Огарков Н.В. История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985.
13. Павловский И.Г. Сухопутные войска Советских Вооруженных сил // Военная мысль. 1967. № 11. С. 36—37.
14. Павловский И.Г. и др. Тактика // Советская военная энциклопедия. Т. 7. М.: Воениздат, 1979. С. 628.
15. Панов Б.В., Киселев В.Н., Картавцев И.И. и др. История военного искусства. М.: Воениздат, 1984.
16. Ржешевский О.А. Предисловие к русскому изданию // Говард М. Большая стратегия. М.: Воениздат, 1980.
17. Свечин А.А. Стратегия / 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927.
18. Семенов В.А. Краткий очерк развития советского оперативного искусства. М.: Воениздат, 1960.
19. Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение / Под ред. В.А. Золотарева. Т. I. М.: Изд-во «Победа — 1945 год», 2000.
20. Тактика / Под ред. В.Г. Резниченко. М.: Воениздат, 1966.
21. Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. М.: Госоениздат, 1936.
22. Тухачевский М.Н. Война классов: Статьи 1919—1920 гг. М.: Госиздат, 1921.
23. Уборевич И.П. Оперативно-тактическая и авиационная военные игры. М.: Госиздат, 1929.
24. Шапошников Б.М. Мозг армии. Т. 1. Кн. 1. М.: Военный вестник, 1927.
25. Штеменко С.М. Научно-технический прогресс и его влияние на развитие военного дела // Коммунист Вооруженных Сил. 1963. № 3.
26. Kipp J.W. The origins of Soviet operational art, 1917—1936 // Historical perspectives of the operational art / Ed. by M.D. Krause, C.R. Phillips. Washington, D.C.: Center of Military History, 2005.

A.A. Kokoshin, Yu.N. Baluevskii, V.Ya. Potapov

NUCLEAR FACTOR AND THE RUSSIAN MILITARY THOUGHT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

With this paper the Moscow University Journal of World Politics launches a series of publications pertaining to a multi-year research project supported financially by the Russian Foundation for Humanities and aimed at examining

the impact of technological factors on parameters of national and international security, military conflicts, and strategic stability. This impact is exemplified, in particular, by the invention of nuclear weapons in the middle of the XX century. The first section of the paper summarizes the key provisions of numerous Soviet military theorists' scholarly contributions and deconstructs classical approaches to three main components of military art — strategy, operational art and tactics, as well as complex linkages between politics and military strategy. The second section scrutinizes novel approaches and concepts which emerged within the Soviet military thought as a result of a profound investigation of potential challenges and prospects of the use of nuclear weapons. The conclusion is drawn that the invention of nuclear weapons completely transformed the linkages between politics and strategy and the perceptions of war as a continuation of politics by other means.

Keywords: military art, military thought, strategy, operational art, tactics, nuclear weapons, technology, conventional weapons, strategic stability.

About the authors: *Andrei A. Kokoshin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Dean of School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aakokoshin@gmail.com); *Yurii N. Baluevskii* — Retired General, Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (2004–2008); Adviser to the Commander-in-Chief of the Internal Troops of the Ministry for Internal Affairs of the Russian Federation (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru); *Vladimir Ya. Potapov* — Retired Lieutenant General; Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation (1998–2004); Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: safety@vosafety.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 ‘The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability’.

REFERENCES

1. Varfolomeev N.E. 1928. Strategiya v akademicheskoi postanovke [Strategy from an academic perspective]. *Voina i revolyutsiya*, no. 11. (In Russ.)
2. Sokolovskii V.D. (ed.). 1963. *Voennaya strategiya* [Military strategy]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)
3. Gareev M.A. 1994. Voennaya nauka [Military science]. In *Voennaya ensiklopediya* [Military encyclopedia], vol. 2. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)
4. Gareev M.A. 1985. *M.V. Frunze — voennyi teoretik* [M.V. Frunze, a military theorist]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)
5. Grechko A.A. 1975. *Vooruzhennyye Sily Sovetskogo gosudarstva* [Armed forces of the Soviet state]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)
6. Egorov A.I. 1931. *Razgrom Denikina. 1919* [The defeat of Denikin. 1919]. Moscow. (In Russ.)
7. Isserson G.S. 1940. *Novyye formy bor'by* [New forms of warfare]. Moscow, Voengiz Publ. (In Russ.)
8. Kamenev S.S. 1963. *Zapiski o grazhdanskoi voine i voennom stroitel'stve* [Notes on the Civil War and force development]. Moscow. (In Russ.)

9. Kuchma V.V. 1989. Voенno-teoreticheskaya mysl' [Military theoretical thought]. In *Kul'tura Vizantii. Vtoraya polovina VII—XII v.* [Culture of Byzantium. Late VII—XII centuries]. Moscow, ch. 9, pp. 276—295. (In Russ.)

10. Malinovskii R.Ya. 1962. *Bditel'no stoyat' na strazhe mira* [Vigilantly stand guard over the peace]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

11. Volkogonov D.A. (ed.). 1984. *Marksistsko-leninskoe uchenie o voine i armii* [Marxist-Leninist theory on war and army]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

12. Ogarkov N.V. 1985. *Istoriya uchit bditel'nosti* [History teaches vigilance]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

13. Pavlovskii I.G. 1967. Sukhoputnye voiska Sovetskikh Vooruzhennykh sil [The Army in the Soviet armed forces]. *Voennaya mysl'*, no. 11, pp. 36—37. (In Russ.)

14. Pavlovskii I.G. et al. 1979. Taktika [Tactics]. In *Sovetskaya voennaya entsiklopediya* [Soviet military encyclopedia], vol. 7. Moscow, Voenizdat Publ., p. 628. (In Russ.)

15. Panov B.V., Kiselev V.N., Kartavtsev I.I. et al. 1984. *Istoriya voennogo iskusstva* [The history of the military art]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

16. Rzhesheskii O.A. 1980. Predislovie k russkomu izdaniyu [Preface to the Russian edition]. In Hovard M. *Bol'shaya strategiya* [Grand strategy]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

17. Svechin A.A. 1927. *Strategiya* [Strategy]. Moscow, Voennyi vestnik Publ. (In Russ.)

18. Semenov V.A. 1960. *Kratkii ocherk razvitiya sovetskogo operativnogo iskusstva* [Essay on the development of the Soviet operational art]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

19. Zolotarev V.A. (ed.). 2000. *Strategicheskie resheniya i vooruzhennye sily: novoe prochtenie* [Strategic decisions and armed forces revisited], vol. I. Moscow, 'Pobeda — 1945 god' Publ. (In Russ.)

20. Reznichenko V.G. (ed.). 1966. *Taktika* [Tactics]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

21. Triandafillov V.K. 1936. *Kharakter operatsii sovremennykh armii* [The modern armies' operations]. Moscow, Gosvoenizdat Publ. (In Russ.)

22. Tukhachevskii M.N. 1921. *Voina klassov* [War of classes]. Moscow, Gosizdat Publ. (In Russ.)

23. Uborevich I.P. 1929. *Operativno-takticheskaya i aviatsionnaya voennye igry* [Operational-tactical and aviation war games]. Moscow, Gosizdat Publ. (In Russ.)

24. Shaposhnikov B.M. 1927. *Mozg armii* [The brain of the army], vol. 1. Moscow, Voennyi vestnik Publ. (In Russ.)

25. Shtemenko S.M. 1963. Nauchno-tehnicheskii progress i ego vliyanie na razvitie voennogo dela [Scientific and technological progress and its impact on the military art]. *Kommunist Vooruzhennykh Sil*, no. 3. (In Russ.)

26. Kipp J.W. 2005. The origins of Soviet operational art, 1917—1936. In Krause M.D., Phillips C.R. *Historical perspectives of the operational art*. Washington, D.C., Center of Military History.